

Не винить его за излишнюю бурную реакцию — Янь Сяохань действительно выглядел слишком зрелым и уравновешенным, совершенно лишённым юношеской необдуманности и наивности. К тому же его должность была слишком высока, и никто бы не подумал, что ему всего восемнадцать лет.

Его удивлённое выражение лица было довольно забавным, глаза расширились, делая его особенно юным. Янь Сяохань опустил голову, скрывая улыбку на губах:

— Я действительно ещё не достиг совершеннолетия. Что касается Стражи Летящего Дракона, разве у меня нет хорошего приёмного отца?

Фу Шэнь осознал, что был слишком резок, и смущённо сказал:

— Брат Янь, не воспринимай это близко к сердцу, я не это имел в виду. С твоими навыками, будь то в Императорской гвардии или в Страже Летящего Дракона, ты, несомненно, не останешься в тени.

— Я тоже не испытываю к тебе неприязни, — добавил Янь Сяохань, подбрасывая дрова в костер. — Ты спас меня дважды, я не оставлю тебя здесь одного.

Фу Шэнь едва не сорвался, чтобы спросить: «Все ли в Страже Летящего Дракона так благодарны за помощь?» — но вовремя остановился, сдержанно сказав:

— Спасибо.

— Это мне следует благодарить тебя, — ответил Янь Сяохань.

Дождь усиливался, горы окутал густой туман, и время от времени холодный ветер задувал в пещеру. Фу Шэнь, потерявший много крови, страдал от пониженной температуры, его губы побелели от холода. Янь Сяохань подвинул его ближе к костру, сам сел снаружи, прикрывая его от ветра.

Фу Шэнь почувствовал тепло в сердце. Он был старшим среди младших в семье Фу, вырос на историях о «Конфуции, уступившем грушу», и всегда общался с друзьями на равных, никогда по-настоящему не испытывая ощущения, что у него есть старший брат. Однако в нынешней сложной ситуации Янь Сяохань как раз заполнил эту пустоту.

Отбросив предрассудки, связанные с их статусом, он был спокоен, рассудителен, заботлив и относился к Фу Шэню как к младшему брату.

Он не был ни «жестоким псом двора», каким его представляли, ни подобоострастным, как говорили в народе, признавая евнуха своим приёмным отцом.

Фу Тинсинь всегда учил его, что нужно смотреть на суть человека, а не верить слухам. Фу Шэнь украдкой посмотрел на профиль Янь Сяоханя, опустившего глаза и сжавшего брови, и

подумал: «Кто же ты на самом деле — страж, готовый в любой момент обнажить меч, или молодой человек, защищающий меня от ветра?»»

— Брат Янь, — сказал Фу Шэнь, — сними мокрую одежду, я дам тебе свой плащ.

— Не нужно, — ответил Янь Сяохань.

— Тогда сядь поближе.

Янь Сяохань посмотрел на него, чуть не протянув руку, чтобы погладить его по голове:

— Мне не холодно.

— Не говори таких глупостей, которые явно предназначены для детей, ладно? — Фу Шэнь говорил, едва сдерживая боль от раны на спине. — Если ты простудишься, как я смогу о тебе заботиться? Мы оба здесь сгинем.

Мужчина у входа в пещеру оставался неподвижен.

Фу Шэнь слабым голосом сказал:

— Ты хочешь, чтобы я сам подошёл и потащил тебя?

Тень Янь Сяоханя словно полностью растворилась в мраке пещеры, огонь и тепло были далеко от него. Он долго молчал, прежде чем произнести:

— Фу Шэнь, ты знаешь, кто я.

— А?

— Мы как небо и земля, — сказал Янь Сяохань. — Не заставляй себя, и не нужно говорить со мной о моральном долге.

Фу Шэнь несколько раз обдумал эти слова, прежде чем понять их смысл. Оказывается, он всё ещё боялся, что Фу Шэнь будет его презирать. Он чуть не рассмеялся и взорвался:

— Я же сказал, что не смотрю на тебя свысока, не сравнивай меня с этим мерзавцем Се! Если бы я презирал тебя, стал бы я называть тебя братом Янь? Мы здесь вдвоём в этой глуши, зачем так церемониться, я что, бездельник?

Он откинулся назад, с шипением вдохнув:

— Я сдаюсь, ты действительно... Ты старше меня на два года или тебе всего два года, брат Янь?

Янь Сяохань посмотрел на него, в его глазах читались и досада, и умиление.

Фу Шэнь не знал, каково это — быть объектом насмешек, он не знал, что его широта души в глазах большинства была чем-то необычным. Янь Сяохань думал, что его помощь уже была пределом, но оказалось, что сердце юноши гораздо шире, чем он предполагал.

— У меня болит рана, — вдруг сказал Фу Шэнь. — Камень жёсткий, неудобно.

Этот почти капризный и неразумный запрос, произнесённый им, в ушах Янь Сяоханя мгновенно обрёл бесконечную правомерность. Он наконец сдался, подошёл от входа и сел рядом с Фу Шэнем, терпеливо спросив:

— Как ты хочешь сидеть?

Фу Шэнь боком упал на его бедро, невнятно пробормотав:

— Заберу себе удобное место. В любом случае я тебя не презираю, если ты меня презираешь — терпи.

— Нахал, — Янь Сяохань рассмеялся, раздвинув ноги, чтобы ему было удобнее лежать.

Фу Шэнь, закрыв глаза, скомандовал:

— Накинь что-нибудь на себя, заодно и меня прикрой, чтобы не простудиться.

Янь Сяохань кивнул, взял высохшую рубашку у костра и накрыл его, сам же снял мокрую одежду и, оставшись с голым торсом, надел плащ.

— Не знаю, когда дождь закончится, — тихо сказал он. — Будь начеку ночью, если что-то почувствуешь, беги.

Фу Шэнь ответил громким зевком.

Видя, что он хочет спать, Янь Сяохань замолчал. Один сидел, другой лежал, оба закрыли глаза, спокойно ожидая рассвета.

Ночью костёр погас, дождь всё ещё шёл. Рана на спине Фу Шэня намокла, неизбежно воспалилась, и ночью у него начался жар, он дрожал от холода. Янь Сяохань, видя, что дело плохо, не стал думать о приличиях, поднял голову Фу Шэня и посадил его боком к себе:

— Давай, садись ко мне на колени... Подогни ноги.

Фу Шэнь, в полубреду, делал всё, что ему говорили, был невероятно послушным. Янь Сяохань

надел полувисохшую рубашку, устроил Фу Шэнь у себя на коленях, накрыл его двумя плащами и согривал своим теплом.

Янь Сяохань одной рукой обнял его за талию, другой за плечо, поддерживая, чтобы он не упал. Фу Шэнь обнял его за талию, положил голову на плечо, устроился поудобнее и наконец успокоился.

— Ещё холодно?

— Нет. Но я голоден.

— ...

— Нет еды, нет воды, холодно и голодно, мы попали в эту ситуацию из-за тебя.

— Да, из-за меня.

— Тебе поручили поймать беглеца, и что в итоге? Беглеца не поймали, а тебя чуть не затоптал дикий кабан... Тебя накажут, когда вернёшься?

— Нет.

— Почему?

— Потому что у меня есть приёмный отец, никто не посмеет меня наказать.

— Ты — ты, а приёмный отец — приёмный отец, зачем ты всё время о нём говоришь? — пробормотал Фу Шэнь. — А твой настоящий отец?

Янь Сяохань вдруг замолчал.

Спустя долгое время он тихо сказал:

— У меня нет отца.

Эта ночь в глуши, если подумать, была довольно опасной. Оба были ранены, снаружи лил дождь, в горах водились ядовитые насекомые и дикие звери, также существовал риск оползней. Но всякий раз, когда Фу Шэнь вспоминал ту ночь, самым ярким воспоминанием были лёгкие успокаивающие поглаживания по спине, которые помогли уснуть.

Настолько, что много лет спустя, снова оказавшись в объятиях того же человека, он всё ещё

чувствовал себя как дома.

На следующее утро дождь прекратился, в горах запели птицы. Фу Шэнь и Янь Сяохань покинули пещеру и пошли вдоль ущелья. После дождя воздух был свежим и влажным, в лесу выросло много грибов. Фу Шэнь, голодный всю ночь, с нетерпением поглядывал в сторону леса, словно слова «хочу есть» готовы были выскочить из его глаз.

Янь Сяохань вынужден был тянуть его на основную тропу, уговаривая:

— Они ядовитые, нельзя есть.

— Травяные грибы и те, что растут под соснами, не ядовиты, их можно есть, — настаивал Фу Шэнь. — Я раньше собирал белые грибы в степи, поверь мне.

Янь Сяохань чуть не поддался его уверенности, но, вспомнив их нынешнее положение, безжалостно отказал:

— Главное — выбраться отсюда. Когда вернёмся в столицу, я пришлю тебе целый ящик грибов, ладно?

Фу Шэнь задумался и тоже понял, что был немного неразумным. Обычно он умел изображать взрослого и рассудительного, но, возможно, из-за того, что Янь Сяохань так нежно заботился о нём всю ночь, его врождённая склонность к шалостям начала проявляться.

— Но я голоден, — он смотрел на Янь Сяоханя умоляющим взглядом, подчёркивая. — Настолько голоден, что не могу идти.

На самом деле грибы не были такой уж большой приманкой, и Фу Шэнь не обязательно хотел их съесть, он просто скучал по тёплым объятиям и всеобъемлющей заботе прошлой ночи, в мире, где было только двое, он хотел привлечь больше внимания своего спутника, чтобы немного смягчить голод, усталость и неизвестность.

Проще говоря, он капризничал.

Янь Сяохань посмотрел на него, и, к удивлению, не проявил нетерпения, не стал разоблачать его. Его взгляд был мягким, как тающий снег, холодным и чистым, но с проблеском тепла внутри.

Он быстро повернулся, встал на одно колено, спиной к Фу Шэню:

— Забирайся, я понесу тебя.